

Среда, 1-го мая 1918 г.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

АНАРХИЯ

Органъ Московской Федерации Аналхистскихъ Группъ.

№ 51.

Среда, 1-го мая 1918 г.

Рукописи должны быть посыпаны четко и на одной сторонѣ листа.

Редакція оставляетъ за себѣ право исправлять ихъ и сокращать.

Стихотворенія и пѣсни отсыпаются не возвращаются.

Временный адресъ
редакціи и конторы:
типографія т-ва Рябушинскихъ,
Москва, Путинковский пер.
Телефонъ 1-74-74.
Отъ 12 до 4 час.

Цѣна 30 коп.

Гребуемъ немедленной отмены декрета о разстрѣлахъ безоружныхъ, кто бы они ни были!

Къ товарищамъ-анархистамъ и согубствующимъ.

Празднованіе 1-го мая въ настоящемъ году въ Россіи носить явно государственный характеръ, является казеннымъ, принудительнымъ праздникомъ, организуемымъ по приказанию свыше, на повелію власти, которая хочетъ превратить этотъ праздникъ борьбы за освобожденіе трудящагося въ день ликованія въ честь своей временной победы. И велитъ власть праздновать его не скромно, какъ всегда, а съ шикомъ и блескомъ, съ триумфомъ, который не отвѣчаетъ переживаемому грозному историческому моменту, а разсчитанъ только на то, чтобы этой виѣшней яркой драпировкой скрыть отъ очей трудового народа трагическое положеніе вещей.

Поэтому мы вынесли слѣдующее рѣшеніе: праздникъ 1-го мая въ настоящемъ году БОЙКОТИРОВАТЬ, участія въ немъ не принимать.

Просимъ всѣхъ рабочихъ, сочувствующихъ идеѣ анархизма, великому идеалу освобожденія всѣхъ угнетенныхъ современного общества, присоединиться къ бойкоту.

Нашъ праздникъ, праздникъ угнетенныхъ, еще впереди.

Совѣтъ московской федераціи
анархистскихъ группъ

Товарищи-рабочіе, не занимайтѣ дома

„АНАРХІЯ“

Московская федерація
анархистскихъ группъ.

Фондъ Федерации.

Поступило въ фондъ Федерации отъ группы анархистовъ при мѣс-
сийск. университѣтѣ Шапкинскаго зас. в. 10 мая. и ст. т. Илючинниковъ 120 руб.

Москва, 1-го мая.

Первое мая или Ко- ронация.

Подолье трагизма переживаемый мо-
ментъ.

Мы стоимъ на поворотѣ, передъ по-
вытиемъ обратимъ.

Октябрь окончательно изжилъ себѣ.
Партия, изъявивъ власть, получившую
власть благодаря октябрьскому перево-
роту, изживаетъ свѣтлыми звѣздами это-
го переворота.

Она всѣмъ симпатизируетъ. Она
изъявила керенину, съ которой мы
боролись, пока мы ее не изгнали; теперь
мы изъявили ленинщину, съ которой мы
будемъ бороться, съ которой мы уже бо-
ремся.

Керенинина имѣла свою гвардию, которую
она изъявила, изъѣзжая, изъ посѣдѣтель-
ныхъ выходитъ. Основные элементы кор-
поративника: смертная казнь, строгая
дисциплина, управление полковниками
корнетами, выборныхъ начальниковъ изъ
армии и явно вырисовывающаяся един-
личная диктатура.

Ленинщина создается по образу и подобию керенинина. Отъ—сестры-блонди-
ны.

И ленинщина будетъ иметь свою кор-
поративницу, генеральщину.

Основные черты ленинщины тѣ же са-
мы, что у керенини: разстрѣлы безъ су-
да и сѣдѣстей,—разстрѣлы безработныхъ,
именуемыхъ балаганами, разстрѣлы изъ-
мечниками, голодныхъ ходоковъ голод-
ныхъ деревень, строгая дисциплина,
именуемая труповодомъ; упраздненіе избират-
ельного начала изъ армии и на флотѣ; устано-
вленіе вѣстою него старого порядка
назначеній свыше и, паконецъ, вѣю попол-
неніе японо-китайской империей одно-
личной диктатуры.

Виѣшняя рѣчь Ленина говоритьъ о
томъ, что нечего бояться единичной
диктатуры.

Наконецъ, договорились, хотя не такъ
открыто, но все же ясно.

Какъ можноъ изъ сказки, изъ мифа пай-
дущий изъ хаоса доходить до тогоъ въ концѣ

мѣніального процесса, что въ его рукахъ
остается одна итога, которую съ
принести, перескочить черезъ заборы
своего двора, тоже и эта власть
имущая партия, разыгравшись, обѣ-
нивая завоеваніе октября, социальную
революцію, коммунизмъ, диктатуру
пролетариата, доходитъ до того, что отъ
коммунизма остается одинъ старый замо-
вѣдъ: не воруй, не лодырничай, а отъ
диктатуры пролетариата—диктатура еди-
ноличная.

Какъ нельзѧ встать эта рѣчь Ленина,
приученнымъ къ кануну первого мая.

Рѣчь обставленна торжественно; зда-
ние, въ которомъ вѣсѣ предѣты нацио-
нальной аланіи, охрана зала. У вѣхъ дре-
вой усиленные патрули. Охраняютъ ора-
тора.

Эта опишка всегда дѣлается какъто
романтическимъ подтекстомъ преходящимъ:

Надо было охранять народъ отъ Нико-
лая, а, бывало, охранять Николая отъ
народа.

Когда надо было охранять народа,
интересы народа отъ Керенского, кото-
рый имѣлъ угрозы, стала охранять Ке-
ренского отъ народа.

Теперь наступаютъ критический моментъ,
когда уже надо и вѣсѣ надо охранять
народъ, трудовой народъ отъ Ленина,
стала охранять Ленина отъ народа.

Рѣконо недоразумѣніе.

И какъ встать сказаны слова и намеки
объ единичной диктатурѣ пакончи
первого мая.

Теперь все попатно, теперь все ясно.
Это не первое мая, а коронація дик-
татора или диктатора.

Поэтому приказано праздновать, тѣр-
жестопать, ликоваться пакончи, по-костюмно,
великолѣпно, по-царски, по-диктаторски.

Большевистская власть собирается
праздновать по первое мая, празднѣть
пролетариата, празднѣть рабочихъ изъ освобожденія,
коронаций...

Но надо вѣсѣ этимъ затѣямъ испить
рѣка неудача, это заразѣе обращено на
гигиену.

Керенскій провалился, не дарѣсь даже
до маленькаго Наполеона, потому что
онъ не былъ военачальникомъ, не былъ знато-
комъ военнаго хѣла, не былъ военводомъ,
не могъ соединить изъ себѣ, изъ единомъ
лѣнѣ и руководительство послѣдней ке-
мергратіи и глаговерхности, руководство
военными силами.

Онъ былъ порховицемъ глаголовочан-
дуктическимъ на бумагѣ. Это его побудило.

Тотъ же пропалъ пакончикъ въ ленин-
ции, генеральщинѣ со сѣдѣ.

Ленинъ пролетаревъ Наполеонъ
не станетъ.

Печено бояться.

За склоннѣйшій склонъ наступитъ за-
речелес.

Бр. Гординъ

«Праздник пролетариата».

Наступил праздник рабочего, традиционный излюбленный праздник пролетариата, первое мая.

Но чьих она будет отличаться от тех превращающихся израиников извергов, которые наше прошлое вспоминает о временах царского самодержавия?

Почти ничьих.

Вся разница в том, что прежде мы были Сокольники, на Воробьевых горах, в Петровской парке и в другие угромные угоны окрестности Москвы во спешечной боязни, как бы не захватили «клиники и соколиники» и только там, где боязни не было, избрали рабочего дня.

И весело, и грустно было на душу рабочего.

Красные алами луково трепетали и приподняли счастье.

Черные алами мелко покачивались и предупреждали рабочего.

И эти жалкие поганые «первого мая».

Мы жили обновленного праздника весны.

Но сегодня—не праздники рабочего.

Он первый не отличается от прошлого.

То же самое рабочее. Та же капиталистическая злопись.

Так же борьба за жизнь, как и прежде.

Разница есть в том, что эта власть заменила другую.

Но тут же «всюю»?

Так та многожданная ширь, та же небольшой простор, где привозят рабочий срыва?

Пока работают первоклассные рестораны, пока лучшие рисунки беспомощно лежат на обивке столов, пока на поглощавших буржуазии: поза коятка имела значение, рябина, бородавки, его равнодушие—такое же, как и прежде.

И, поклонившись друг другу, мы расходимся, работая в новом порядке, подавлены рабочего праздника.

Мы жили нового «первого мая».

И так бежали годы...

Какие чернины, мы подавливали троны, врывались в землю, мы проникали в每個 угол.

Мы всюду несли разрушение, мы вскапывали организмы пароды.

И парный трон занялся...

И чью «первое» ма...

Радостное, веселое первое ма,—черное ма без пары...

И развернувшись красная знамена заскали взор рабочего и сунули ему ее.

И она вилась... Олья вилась только потому, что она знала, что пять больше жаждет, что охраняя разрушение. Она нырнула в подлинную, исподвольную свободу. И только чернины, как почва, зна-

4. Авбуреней.

О памятниках.

Бесконческая астетическая любовь. Статуи художества залпнули. Страховщики явили красоты. Вспыхнули цветы истории.

Что случилось? Пыльный милицендер ссыпал в трескущего художника? Был уговоренный милицей разстрелянся писателем?

Нет.

Виноват—акрети—противы памятников. Большевистская власть разстреливает скульптуры.

Призывают современных генералов на службу, а старых исторических генералов снимают с коней.

Решено! На первом ма убрать все эту чумничательную имениту с площади. И слава Богу!

Наго совершившимся, пять «общественных» и прещальных никто не властен. Наша революционная устремленность по драматичности, восторгам.

Не дана знать возможность вычеркнуть прошлое из прошлого, убрать его там не может и во времена смершения, снести его наизнанку.

То, что было,—было. Но мы говорим: это не будет. Что написано первым историей, можно вытеснить одними говорами за бортом.

И это—единственный орудие, которым можно бороться с прошлым, с предыдущим.

Предание розы. История историй, розы. Есть история воспирания, розы были виски в ее истории вина, коньяк, вино, вода, в грязь.

Есть история борьбы, мученичества, окружения, ордена, белого солдата в ее истории вина, патрональности, окунанием туманным испарением, виноградом.

Есть история винограда, полнодневных восходов и есть история крахиной, крахиной красной, крахиной зеленой, крахиной зеленой.

Первая должна быть высечена на скрижалих земли и развеята, вторая должна быть высечена в книгу чорной пыли.

О чем свидетельствовали эти истины?

О яркой погорб. О ярком белодии. О нашем белодии. О нашей каббали.

О том, что мы—рабы робы. Что суть наше и среди них нет честности, нет честности.

Что работы скульптора руководила хромость, преданность, угодничество, холенство.

И пусть это отвечает исторической действительности.

Правда, это не то, что есть или было, а то, что должно было бы быть.

Надо историческую правду должна доказывать правдивость права, красота.

Красота же по одному тому не должна быть «правдивой», что она принадлежала прошлому, она красива.

История не должна выставлять нам на память гравюры, художники, здания, нечеловеческие сбыты, а о нашем чистоте, хрустальном, крахине однажды было.

И та эпоха, которая стала холдингами, глубокими, и широкими, превратила наше изящество в чистоту, в красоту, в здоровье, в торжество.

Решительная ганизация приводит в движение рабочего праздника.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

Надо, чтобы однажды был создан рабочий праздник, который не оставил бы никаких следов.

ДОЛОЙ РАЗСТРІЛЫ БЕЗОРУЖНЫХЪ!

Творчество.

Редакція отдѣла „ТВОРЧЕСТВО“ обращается къ пролетарскимъ организаціямъ рабочихъ и солдатскихъ клубовъ, театровъ, культурно-просвѣтительныхъ группъ и ячеекъ съ предложеніемъ сообщать въ редакцію свои адреса и телефоны, а также присыпать афиши и извѣщенія о своей дѣятельности.

АДРЕСЪ (временно) редакціи газ. „Анархія“: Путиновский пер., типографія т-ва Рабшинскихъ.

Первое мая.

День траура

РЕВОЛЮЦИОННЫХЪ АНАРХІО-ФУТУРИСТОВЪ.

Первое Мая—ожерелье
Вѣлья,
Бакханалия Цѣѣвовъ и Пѣсень
М красныхъ бонаровъ и плаща
Солнца!
Но угол подземелья
Безлампаденъ и тѣсень
И нѣтъ даже для дыханья
Оконъ!
Намъ не надо ласкайся,
Ни жалости; ни привѣта.
Наша улыбчивость—взрывъ динамита,
Наша объятіе—дрожаніе фугаса—
Но мы требуемъ смертельно отвѣта
За хотіть кроваваго пласа
Въ тотъ день
Когда Пѣсня убита!
Въ черныхъ лохмотяхъ ОНА на
плахахъ
Въ растрепанныхъ волосахъ—
Течеть пламя.
Эшафотистъ — кровносецъ въ
масниковай рубахѣ
Всплюя въ груди
Гнилыми зубами.
Въ черныхъ лохмотяхъ текутъ
эндино зарницы
Дробятся молнии
Стволы.
Скорѣ на разсвѣтъ опять черныя
птицы
Улыбнутся синевомъ чѣламъ...
Скѣро на разсвѣтѣ
Горячікъ снарядовъ осокли—
Снопомъ разсыпалась гранчимъ—
Запутаются, ласкаюсь,
Въ черномъ лобзющемся шелкѣ...
И раздробить лохматыя груди
Тучамъ.

Слушайте—вы—вникайте и внимаите.
Слушайте вы—скидайте
Съ головъ склоненныхъ ваши
шапки!
Сидрайте съ колонцемъ, трибунъ и
стѣнь
Красная чудовищная трояки!.
Сегодня не празднѣтъ вакансіи
пѣяній—
Сегодня—гноятъ раны.
У насъ и у всѣхъ се один—День
Убитыхъ.
Въ покойникахъ — труповъ
Груды
Безглазыхъ, синихъ, оскаленныхъ,
кровью облитыхъ...
Бессмертие вѣщъ в Чудо
На панельныхъ зеванихъ плахахъ

Баянъ Планенъ.

СТѢГЪ НА ВІПРОСЪ.

Въ замкѣ „Печалущий анархістъ“ товарищъ Анти спрашивалъ: «Куда се странитъ „Анархія“, посль разгрома еї союза?» И тутъ же, чутъ же анархистъ: Александръ Ф. Струве и рѣкъ: «Куда се странитъ?»

Не знаю, какъ обстоитъ дѣло съ другими, но что касается мене, то могу отвѣтить на вопросъ въ наиболѣе убѣдительныхъ словахъ, думай, ляжись, прислеѣ, «такъ, все новое посланіе въ страніи „Анархіи“».

А что касается крайней подозрительности товарища Анти и его замѣтной относительно того, что «мы», т.-е. анархистические лица, «справляемъ, что «мы», «такъ, ляжись, несомнѣнно, что «мы» будемъ сбѣтъ: «но сдѣлай же?», — на это и могу отвѣтить.

И называй «анархистъ» въ возвѣтѣ, на опредѣлении «тутъ же анархистъ» не приемлю, ибо иранцы въ музикантѣ на себѣ не напишутъ и не позовутъ. И для себя, «я», и только

что одинъ условія работы, а когда привѣтствую даже съ горойю статьей, а звонъ замѣты, и замѣты гласятъ, что будуть черезъ часъ, и мы, съ трудомъ тревожій полога, но отложу, съ большой ногой, танцуетъ обратно, — вотъ тутъ танцуетъ пыль. Всѣхъ подозрительныхъ пасториныхъ умѣй видятъ не то, что есть въѣйтнитъ...»

«Дѣлѣ? Ишь, жалюзію, чьище всѣхъ источниковъ?» — спрашиваетъ, товарищъ Анти, въ концѣ своей заѣтки.

«Я здѣсь, — отвѣчалъ я вахъ...»

Пыжъ же толькъ изъ однаго источника, — своего собственнаго, претворяющаго въ своеобразіе индивидуальность преломленія окружавшей миры, но проявляю и еї вѣли, гдѣ есть свѣтъ, гдѣ есть вѣрчество, и люблю „Анархію“ именно за то, что въ ней—слухъ жилья, что въ ней есть художественное творчество, которое не можетъ быть ни партийно-узкимъ, ни ограниченнымъ рамками, а есть широкое творчество, гдѣ бы, въ тогдѣ бы оно ни проявлялось.

Алено. Струве.

По поводу статьи тov. Анти.

Въ № 50 нашей газеты есть статья гогольчика: «И-членупніи „анархістъ“

о первомайскія казни. Грабы въ позуме тахъ — Плохиниція — въ красныхъ флагахъ

и лентахъ. Смрадныя окна завѣшены

грабднікъ голодный — праздничный

проклятый

— Ужасъ Раствѣтыхъ —

Дикий и бѣшненый!..

Рѣбѣтъ закаты, звонять закаты,

Стурчага въ окна

Пѣшненыхъ.

Чу! Молчи Молчи. И слушай —

На улицахъ — и асна краска

Руянна чахоточной прости уг. и.

Хохочутъ дико

Голоднікъ пляска

На площадахъ астропанаго крика

Гудѣтъ Трибуны

Въ народѣ сквозъ слезы — при

баутии.

Эхъ, въ душѣ-то издерганы

До голаго, до жаго мѣса

Кровавыя струни.

На улицахъ — фонтаны сицца

Въ переулкахъ — кумачевое цар-

ство?

А подъ ногами еще золотится

Могила бунтарства —

Кровавыя пужицы.

Сквозъ щілъ стланыхъ дрочечъ,

Синозвъ янтарный песочечъ —

Рядно и эндио сочится

Сезиловична водица.

Гляди. Гляди.

Впереди

Морыя красные хоругви кру-

жатъ.

Плещутся. Извиваются.

Плачутъ отъ зноя — недужитоя.

Пьянѣтъ и зѣвается.

Н давнія кровь воловинаетъ..

Журутъ глазни украдкой:

Пахнетъ крэвушной сладкой —

Пахнетъ...

И Соли въ плюстое кровью

На отсырѣвшія отъ слезъ платья.

Кто-то нѣвѣрѣтъ злословью

Въкинуль штыкъ по платья.

И стала пляска браны

Въ хохѣтъ глупомъ.

И вѣтъ въ вѣдовъ туманъ

Хлещутъ копыта по трупамъ.

Хрупкіяности. Смѣтъ латышъ

проказникъ...

Тиши! Тиши-ши...

У нихъ сегодня праздникъ.

Баянъ Планенъ.

Большевики звали особлики, въ которыхъ помыкались анархисты, а теперь у большевиковъ занялись особлики посольства. Такъ, особлики Морозова, въ Введенской, заняты пособіемъ анархистами, единственный причиной этому — мое проѣзжение въ Петроградъ въ это время и работа надъ довольно большой вещью, которую я хотѣла помѣстить въ отдѣлъ «Городства», о чёмъ было переговоровъ съ синими членами.

Позовите же мяѣтъ быть просто человѣкомъ и не кидать такъ легко оскорблений, я должна еще упомянуть, разъ за этого дѣло идѣо, что формально я не была въ отѣлѣ въ „анархію“, но „большевиками“, и какъ бы артиклии имѣвались людми въ моемъ членѣ, я буду ити своей дорогой служеніемъ учиненными оскорбленими, изъ смущенія тѣмъ, что порохъ панихи дракоры расходитъ.

Позовите же мяѣтъ быть просто человѣкомъ и не кидать такъ легко оскорблений, которая, повторю, меня не обидѣла, но другого, да и меня при другомъ обстоятельствахъ, могли горѣть и несправедливо оскорбить.

Гляди. Гляди.

Морыя красные хоругви кру-

жатъ.

Плещутся. Извиваются.

Плачутъ отъ зноя — недужитоя.

Пьянѣтъ и зѣвается.

Н давнія кровь воловинаетъ..

Журутъ глазни украдкой:

Пахнетъ крэвушной сладкой —

Пахнетъ...

И Соли въ плюстое кровью

На отсырѣвшія отъ слезъ платья.

Кто-то нѣвѣрѣтъ злословью

Въкинуль штыкъ по платья.

И стала пляска браны

Въ хохѣтъ глупомъ.

И вѣтъ въ вѣдовъ туманъ

Хлещутъ копыта по трупамъ.

Хрупкіяности. Смѣтъ латышъ

проказникъ...

Тиши! Тиши-ши...

У нихъ сегодня праздникъ.

Баянъ Планенъ.

Изъ земли звалъся особлики, въ которыхъ помыкались анархисты, а теперь у большевиковъ занялись особлики посольства. Такъ, особлики Морозова, въ Введенской, заняты пособіемъ анархистами, единственный причиной этому — мое проѣзжение въ Петроградъ въ это время и работа надъ довольно большой вещью, которую я хотѣла помѣстить въ отѣлъ «Городства», о чёмъ было переговоровъ съ синими членами.

Позовите же мяѣтъ быть просто человѣкомъ и не кидать такъ легко оскорблений, который будетъ использованъ для большевиковъ.

Изъ земли звалъся особлики, въ которыхъ помыкались анархисты, а теперь у большевиковъ занялись особлики посольства. Такъ, особлики Морозова, въ Введенской, заняты пособіемъ анархистами, единственный причиной этому — мое проѣзжение въ Петроградъ въ это время и работа надъ довольно большой вещью, которую я хотѣла помѣстить въ отѣлъ «Городства», о чёмъ было переговоровъ съ синими членами.

Позовите же мяѣтъ быть просто человѣкомъ и не кидать такъ легко оскорблений, который будетъ использованъ для большевиковъ.

Изъ земли звалъся особлики, въ которыхъ помыкались анархисты, а теперь у большевиковъ занялись особлики посольства. Такъ, особлики Морозова, въ Введенской, заняты пособіемъ анархистами, единственный причиной этому — мое проѣзжение въ Петроградъ въ это время и работа надъ довольно большой вещью, которую я хотѣла помѣстить въ отѣлъ «Городства», о чёмъ было переговоровъ съ синими членами.

Позовите же мяѣтъ быть просто человѣкомъ и не кидать такъ легко оскорблений, который будетъ использованъ для большевиковъ.

Изъ земли звалъся особлики, въ которыхъ помыкались анархисты, а теперь у большевиковъ занялись особлики посольства. Такъ, особлики Морозова, въ Введенской, заняты пособіемъ анархистами, единственный причиной этому — мое проѣзжение въ Петроградъ въ это время и работа надъ довольно большой вещью, которую я хотѣла помѣстить въ отѣлъ «Городства», о чёмъ было переговоровъ съ синими членами.

Позовите же мяѣтъ быть просто человѣкомъ и не кидать такъ легко оскорблений, который будетъ использованъ для большевиковъ.

Изъ земли звалъся особлики, въ которыхъ помыкались анархисты, а теперь у большевиковъ занялись особлики посольства. Такъ, особлики Морозова, въ Введенской, зан